

Николай Иванович Пирогов родился 13 (25) ноября 1810 года в Москве, в семье большой, дружной и консервативной. Родители Николая Ивановича любили друг друга, поэтому и атмосфера в семье была теплая, в которой дети не чувствовали себя несчастными. Мальчик был привязан к крепостной крестьянке, Прасковье Кирилловне, которая, хотя и была неграмотная, обладала поразительной памятью: что ни день, Николай слышал от нее новую сказку, и стихи она запоминала быстро, долго держала их в памяти. Но был человек, который произвел на маленького мальчика действительно неизгладимое впечатление, которое предопределило дальнейший ход его жизни – знаменитый оспопрививатель и акушер Андрей Михайлович Клаус. Николая привлекал Клаус своей оригинальной наружностью и маленьким микроскопом, всегда находившимся при нем в кармане.

«Раскрывался черный ящичек,- вспоминал Пирогов в старости, - вынимался крошечный блестящий инструмент, брался цветной лепесток с какого-нибудь комнатного растения, отделялся иглою, вставлялся в стеклышко, - и все это делалось так тихо, чинно, аккуратно, как будто совершалось какое-то священнодействие. Я не сводил глаз с Андрея Михайловича и ждал с замиранием сердца, когда он пригласит заглянуть в его микроскоп».

В детстве у каждого ребенка найдется предпочтение играть в ту или иную игру. Так и Пирогов любил играть или в войну, где проявлял свою отвагу и храбрость, или в лекаря, подражая домашнему врачу Е.О.Мухину.

В 1822 году Николай поступил в частный пансионат Кряжева, самый лучший в Москве,

где он обучался до 1824 года, когда в семье Пироговых пошатнулось материальное положение, и отец был вынужден забрать сыновей.

И над 14-летним Николаем нависла опасность стать полуграмотным чиновником. Именно тогда Мухин сыграл важнейшую роль в жизни мальчика. Он посоветовал отцу готовить сына к вступительному экзамену в медицинский университет, хотя ему и не исполнилось 16. Будучи деканом медицинского факультета, Мухин смог решить эту проблему, и мальчик был допущен к экзамену.

Экзамен был выдержан успешно, и Николая посчитали годным для слушания профессорских лекций.

Имя Пирогова связано с наукой анатомией, хотя в университете профессора не применяли опытов на своих лекциях, и Пирогов, как он сам рассказывал, «во все время пребывания в университете ни разу не упражнялся на трупах в препаровочной, не отпрепарировал ни одного мускула и до вступления в Дерптский университет не чувствовал никакой потребности узнать что-нибудь из собственного опыта наглядно, довольствовался вполне тем, что изучил из книг, тетрадок, лекций».

Другая наука, с которой связано имя Николая Ивановича, хирургия, была для него в годы студенчества, по его словам, «вовсе неприглядною и непонятною». «Итак я окончил курс, - пишет Пирогов в «Дневнике старого врача», - не делая ни одной операции, не исключая кровопускания и выдергивания зубов, и не только на живом, но и на трупе не сделал ни одной операции... Ни одного химического препарата в натуре. Вся демонстрация состояла в черчении на доске. Только на последнем году курса, с вступлением в университет профессора Геймана, молодого, живого и практического еврея, я первый раз в жизни увидал в натуре кислород и водород».

Такова была научная обстановка в Московском университете, когда туда вступил Пирогов. Но база, полученная им в университете, позволила ему успешно заниматься научной деятельностью в Дерпте и Берлине, что привело к прорыву в анатомии и хирургии.

Научные занятия Пирогова уже в 1829 году позволяли «надеяться, что он приобретет отличные знания в анатомии и хирургии». Так через полтора года по прибытии в Дерпт Пирогов обнаружил свое истинное призвание.

Л.Л.Левшин говорил, что в первом своем научном труде Пирогов «высказал принцип, что при решении различных вопросов практической медицины нельзя ограничиться одними лишь клиническими наблюдениями, но что в этом деле необходимы опыты над животными; предмет диссертации – лечение аневризм подвздошных артерий донельзя удачно выбран с целью показать, что путь для разработки клинического вопроса не может быть иной, как экспериментальный». Диссертация получила известность за границей, и была переведена с латинского языка на немецкий и опубликована в знаменитый тогда хирургический журнал Греффе и Вальтера. Она была успешно защищена в Дерпте осенью, 1832 года.

За пять лет обучения в Дерпте, Пирогов вполне разработал направление экспериментальной хирургии, что делало его на голову выше других хирургов. Кроме того, такой сложный раздел анатомии, как наука о фасциях (соединительнотканых оболочках, покрывающих мышцы) он изучил в таком совершенстве, что вряд ли среди его коллег, по словам доктора Малиса, нашелся бы кто-то лучше в этом вопросе.

Позднее Пирогов едет работать в Германию. По прибытии его туда, в немецкой медицине наметился коренной перелом. «Время моего пребывания в Берлине, - пишет Николай Иванович, - было именно временем перехода германской медицины – и перехода весьма быстрого – к реализму; началось торжественное вступление ее в разряд точных наук». Пирогов застал немецкую практическую медицину «почти совершенно изолированной от главных реальных ее основ: анатомии и физиологии; о профессорах медицины, о клиницистах по внутренним болезням – и говорить нечего».

Его учителя: Руст и Диффенбах, хирурги, бахвалившиеся незнанием анатомии, Шлемм, знаток анатомии, обнаруживший любовь к этой науке и у Пирогова, и Грефе, глазной хирург, обладающий изумительно тонкой техникой и своими собственными усовершенствованными инструментами.

Особенно высоко ценил Пирогов свое пребывание в Геттингене, где К.Лангенбек научил его по-настоящему владеть ножом. У него же профессор познакомился с замечательным искусством приспособления при операциях движения ног и всего туловища к действию оперирующей руки.

В годы учения Пирогова в Германии медицина не знала еще обезболивающих средств, поэтому особенно ценилась быстрота операций. Профессору, отработавшему на трупах быстроту и технику оперирования, были противны и неприятны вопли боли и мучения. Пирогов вдумывался в причины такого варварства и безуспешно разыскивал способы уменьшения страданий, в результате которых количество смертей вследствие даже успешных операций было катастрофически большим. За два года работы в клиниках Берлина и Геттингена, Пирогов значительно расширил свои знания в области анатомии и хирургии.

Обучение в Германии подошло к концу, и настало время ехать в Москву, где профессор должен был быть назначен на кафедру хирургии в том университете, в котором он учился. Но в соответствии с новой образовательной реформой, на это место был назначен профессор Иноземцев.

Николай Иванович некоторое время пробыл в Риге, где задержался по болезни, и в Петербурге, куда ездил по делу утверждения его на место декана кафедры хирургии Дерптского университета. В Риге, на время своей остановки, Пирогов развернул научную и практическую деятельность, сделал несколько ошеломительных по мастерству операций: восстановление носа по методу Диффенбаха (у пациента был гладкий лоб, из которого Пирогов выкроил прекрасный нос), литотомия, вырезывание опухолей, отнятие бедра в верхней трети (на эту операцию не решался никто). После этого ординаторы рижского военного госпиталя стали просить его прочесть им курс лекций.

В Петербурге Пирогов прочитал курс лекций по хирургической анатомии, показывая всё на препаратах и трупах, что вызвало всеобщее удивление и заинтересованность. О 25-летнем ученом заговорили все – кто-то с недоброжелательством и завистью, кто-то с восторгом.

В Дерпте решение отдать Николаю Ивановичу свою кафедру, Мойер принял после блестяще выполненной двухминутной литотомии. «Не прошло и двух минут, как камень был извлечен, - писал Пирогов, - все, не исключая и Мойера, были видимо изумлены». Быстрота, надо помнить, имела значение потому, что средств обезболивания не было.

Через год своей профессорской деятельности, Пирогов решил ознакомить других врачей и ученых со своими исследованиями и своей системой преподавания, выпустив в свет книгу «Анналы» своей клиники.

За все время своей профессуры в Дерпте Пирогов издал:

1) «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций» на латинском и немецком языках (выдержало много изданий, в том числе и русских)

2) два тома «Клинических анналов» (за 1836-1839) 3) монографию о перерезании ахиллесова сухожилия.

Кроме того, под его руководством было написано пять диссертаций на различные темы.

В 1841 году Пирогов наконец получил кафедру в Петербургской Медико-хирургической Академии.

Вскоре, после женитьбы и смерти жены, Николай Иванович занялся проверкой эфира как анестезирующего средства при оперировании на поле сражения, для чего совершил поездку на Кавказ. По этому вопросу он издал «Отчет о путешествии по Кавказу». По возвращении в клинику, Пирогов занялся дальнейшим исследованием, и в 1846 году эфир был применен впервые.

Он провел опыты на животных, сделал 50 операций под эфирным наркозом. Работая с эфиром, кроме обычного способа этеризации путем вдыхания, Николай Иванович придумал свой путь, – он вводил пары эфира в кишечный канал через прямую кишку, а также придумал два прибора для введения эфира по своему способу, так и по способу вдыхания.

Выше были изложены основные этапы в жизни Пирогова и отражены события, обусловившие в дальнейшем всю успешность его деятельности.

Далее в биографии Николая Ивановича можно остановиться на наиболее значимых его достижениях.

В 1848 году, когда в Петербурге свирепствовала холера, Пирогов основал в своей клинике отделение для холерных больных: в течение 6 недель он сделал около 800 вскрытий и свои наблюдения изложил по-русски и по-французски в нескольких работах о патологической анатомии азиатской холеры. Этот труд удостоен Академией наук большой Демидовской премии.

Среди многих научных трудов в петербургский период его деятельности особо выделяются: «Полный курс прикладной анатомии человеческого тела» (1843-1845); «Анатомические изображения наружного вида и положения органов, заключающихся в трех главных полостях человеческого тела» (1850); «Топографическая анатомия распилов через замороженные трупы» (1851-1854); «Операция вылушения стопы», т.н. остеопластическая операция Пирогова (1854); «Клиническая хирургия» (1854).

В 1855 году, во время Крымской войны, Пирогов был главным хирургом осаждённого англо-французскими войсками Севастополя. Оперируя раненых, Николай Иванович впервые в истории мировой медицины применил гипсовую повязку, дав начало сберегательной тактике лечения ранений конечностей и избавив многих солдат и офицеров от ампутации. Во время осады Севастополя, для ухода за ранеными, Пирогов руководил обучением и работой сестёр Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия. Это тоже было нововведение по тем временам.

Важнейшей заслугой Пирогова является внедрение в Севастополе совершенно нового метода ухода за ранеными. Метод этот заключается в том, что раненые подлежали тщательному отбору уже на первом перевязочном пункте; в зависимости от тяжести ранений одни из них подлежали немедленной операции в полевых условиях, тогда как другие, с более лёгкими ранениями, эвакуировались вглубь страны для лечения в стационарных военных госпиталях. Поэтому Пирогов по справедливости считается основоположником специального направления в хирургии, известного как военно-полевая хирургия.

В 1881 году Н. И. Пирогов стал пятым почетным гражданином Москвы «в связи с пятидесятилетней трудовой деятельностью на поприще просвещения, науки и гражданственности».

В начале 1881 года Пирогов обратил внимание на боль и раздражение на слизистой твердого неба, и Н. В. Склифосовский установил наличие рака верхней челюсти. От этого недуга и умер Н. И. Пирогов в 20 ч 25 мин 23 ноября 1881 года в с. Вишня, ныне часть Винницы. Тело Пирогова было забальзамировано его лечащим врачом Д. И. Выводцевым с использованием нового метода, им разработанного и погребено в мавзолее в деревне Вишня под Винницей. Во время Второй мировой войны, при отступлении советских войск, саркофаг с телом Пирогова был скрыт в земле, при этом поврежден, что привело к порче тела, впоследствии подвергнутого реставрации и повторному бальзамированию. Официально гробница Пирогова именуется «церковь-некрополь», тело находится ниже уровня земли в траурном зале — цокольном этаже православного храма, в застекленном саркофаге, к которому возможен доступ желающих отдать дань уважения памяти великого ученого.